

честве Лигети подобные композиции приобретают устойчивую семантику, связанную, с одной стороны, с семантикой жанра пассакалии и бассоостинатных вариаций, и, с другой стороны, отражающих одну из центральных идей композитора этого периода – идею передачи момента остановки временного движения, совмещения множества временных процессов в пространстве.

---

1. *Задерацкий, В.* Сонористическое претворение принципа остинато в творчестве Оливье Мессиана / В. Задерцкий // Проблемы музыкальной науки : сб. ст. – Вып. 6. – М., 1986. – С. 283–317.

2. *Заднепровская, Г.* Новое претворение принципа остинатности в музыке XX века (на примере творчества композиторов бывшего СССР в 60–80-е годы) : дис. ... на соискание уч. степ. канд. искусствоведения / Г. Заднепровская. – М., 1999. – 200 с.

3. Композиторы о современной композиции : хрестоматия / сост. Т. С. Кюрегян, В. Ценова. – М., 2009. – 356 с.

4. *Varnai, P.* Ligeti in Conversations / Peter Varnai // György Ligeti in conversation with Peter Varnai, Josef Häusler, Claude Samuel and Himself. – London : Eulenburg, 1983 – P. 13–82.

КОГНИТОЛОГИЯ КНИЖНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В. А. Копанева,

*кандидат исторических наук, доцент, директор Научной библиотеки
Национальной академии руководящих
кадров культуры и искусств (Украина)*

Анализ феномена книжной коммуникации проводился рядом авторов (В. Алпатов, В. Гумбольдт, М. Маклюэн, Н. Рубакин), которые рассматривали упомянутый процесс в рамках однонаправленной модели коммуникативного акта. Согласно ей коммуникация представляла собой передачу информации от адресанта (автора книги) к адресату (читателю), при этом адресант кодирует информацию знаковыми средствами той системы, которая применяется в данной форме коммуникаций. Таким образом, от адресата требуется только обратная модель представления содержания – *декодирование*.

О необходимости обстоятельного анализа интерактивного характера и психологических аспектов информационных коммуникаций, которые сегодня становятся все более актуальными, впервые заговорил Н. Рубакин [2] еще в начале XX в. Русский книговед и библиограф творчески переработал взгляды философов, физиологов и лингвистов и других для экстраполяции (переноса) их научных концепций в сферу библиотечного дела. Именно на этой основе им была сделана попытка объяснить взаимосвязь автора, книги (текста) и читателя, а также введен в научный оборот новый термин «библиопсихология». По теории Н. Рубакина, понимание текста зависит от коммуниканта, его предыдущего опыта, от его культурной, этнической среды, наследственности, временного и эмоционального восприятия.

Одним из первых когнитивные аспекты проблематики коммуникации рассматривал Ю. Шрейдер [4], анализируя соотношение категорий «информация» и «знание». Он акцентировал внимание на том, что в общем случае они не являются тождественными: так, знание соотносится с человеком и является неотъемлемым от личности.

При этом информация трактуется Ю. Шрейдерам как вербализованная форма знания, которая имеет общественный характер. Поэтому формальная передача информации не может вложить знания в человека, она лишь предоставляет ему основную информацию. Для ее адекватного воспроизведения необходимы дополнительные когнитивно ориентированные данные в форме, дающей возможность воспроизвести знания. В качестве такой информации предлагается использовать сведения об индивидуальных и коллективных авторах, связанных с публикациями, отражающими результаты их интеллектуальной деятельности.

Целью данной работы является анализ когнитивных аспектов книжной коммуникации.

В настоящее время коммуникации исследуются в рамках когнитологии – междисциплинарного научного направления, объединяющего теорию познания, психологию, нейрофизиологию, лингвистику и теорию искусственного интеллекта.

Библиотекведческие истоки когнитивных наук заложены в работах Н. Рубакина. Им были сформулированы основные законы библиопсихологии: закон Р. Семона, закон Гумбольдта – Поттебни, закон И. Тэна, закон консонанса и диссонанса эмоций и закон Э. Геннекена. Согласно первому из них каждое лицо в процессе чтения строит собственную проекцию книги. То есть, по мнению Н. Рубакина, мы знаем наши собственные проекции книг и только то содержание, какое в них мы сами вкладываем, а не то, какое вложил автор.

Закон Гумбольдта – Поттебни опирается на лингвофилософскую концепцию одного из основоположников лингвистики В. Гумбольдта [1], согласно которой любое слово воспринимается конкретным индивидуумом не точно так, как другим. По мнению А. Поттебни, «Говорить – значит не передавать свою мысль другому, а только возбуждать в другом его собственные мысли. <...> Понимание состоит не в перенесении содержимого из одной головы в другую, а только в том, что в силу сходного строения человеческой мысли, какой-либо знак, слово, изображение, музыкальный звук служат средством преобразования другого, самостоятельного содержания, находящегося в мысли понимающего» [3, с. 111].

По Н. Рубакину каждый понимает написанное и услышанное, в зависимости от имеющегося у него социального и индивидуального опыта, то есть у книги столько содержаний, сколько у нее читателей. Логическое развитие этого положения требует изменения концептуальных подходов не только к книговедению, но и к книжному делу. Если ранее центральное место в них занимало содержание книги, то закон Гумбольдта – Поттебни требует перемещения центра тяжести из книги на читателя, из раздражителя на раздражаемое, из возбудителя на возбуждаемое.

Согласно третьему закону библиопсихологии, – закон И. Тэна, – восприятие информации в значительной степени определяется окружающей средой и временем. То есть, восприятие одной и той же книги в разный период жизни читателя может существенно отличаться.

Закон консонанса и диссонанса эмоций акцентирует внимание на том, что печатное, рукописное и устное слово пони-

маются положительно или отрицательно в зависимости от того, какие эмоции преобладают в читателе или слушателе. Это значит: если субъект *A* излагает субъекту *B* идеи, какие считает своими, то субъект *B* не согласится с *A* в том случае, если чувствует к нему враждебную эмоцию, если же чувствует сильную симпатию к тому, кто излагает чуждые ему и даже противоположные идеи, он с ними согласится. Таким образом, эмоции в ряде случаев приобретают большее значение, чем интеллектуальные отношения и здравый смысл.

Библиопсихологический закон Э. Геннекена утверждает, что всякое литературное произведение оказывает наиболее сильное влияние на того читателя, психическая организация которого наиболее аналогична, то есть представляет наибольшие сходства с психической организацией автора этого произведения [2, с. 96].

В целом библиопсихологическая теория Н. Рубакина констатирует неоднозначность соответствия между замыслом автора, изложенным в книге, текстом и восприятием этого текста читателем (в современной трактовке это можно назвать когнитивным диссонансом). Отметим, что идеи Н. Рубакина опережали время и не были надлежащим образом использованы: доминирующим подходом к книжным коммуникациям в XX в. было так называемое руководство чтением. Возрождение этих идей стало возможным с появлением когнитологии – междисциплинарного научного направления, объединяющего теорию познания, психологию, нейрофизиологию, лингвистику и теорию искусственного интеллекта.

Наличие когнитивно-ориентированных ресурсов позволяет реализовать двухступенчатую схему книжных коммуникаций. На первом этапе устанавливаются потенциальные авторы и источники информации. На втором – с учетом этих сведений осуществляется непосредственный поиск релевантных книжных документов. Кроме того, упомянутые ресурсы позволяют пользователю, который не является специалистом в определенной предметной области, получить базовые знания для ориентации в ней.

Исходя из вышеизложенного, информация, полученная в результате вербализации и документирования знаний автора, не

является полностью тождественной этим знаниям. Такая аналогия имеет место и с процессом осознания пользователем внешней информации; так, полученные им знания с учетом когнитивных аспектов восприятия этой информации также не могут быть тождественными ей. Именно поэтому процесс передачи знаний от автора к потребителю посредством книжной коммуникации сопровождается определенными потерями информации, то есть является энтропийным. Для уменьшения информационной энтропии в процессе книжной коммуникации необходимо использовать когнитивно-ориентированные ресурсы. Таковыми являются, например, сведения об авторах документальной информации, понятийно-категориальный аппарат предметной отрасли и другие данные, составляющие основу справочно-библиографического аппарата библиотеки.

---

1. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию : моногр. / В. Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1984. – 400 с.

2. Рубакин, Н. А. Психология читателя и книги : краткое введ. в библиогр. психологию / Н. А. Рубакин. – М. : Книга, 1977. – 264 с. – (Труды отеч. книговедов).

3. Потебня, А. А. Мысль и язык : моногр. / А. А. Потебня. – Киев : СИНТО, 1993. – 192 с.

4. Шрейдер, Ю. А. Социальные аспекты информатики / Ю. А. Шрейдер // НТИ. Сер. 2, Информ. процессы и системы. – 2010. – № 2. – С. 18–27.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АРТЕФАКТА КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ МОДЫ НА ИСКУССТВО

Е. Е. Корсакова,

*кандидат искусствоведения, доцент, декан факультета
заочного обучения Белорусского государственного
университета культуры и искусств*

Искусство является неотъемлемой частью современной культуры, входит в жизнь и быт человека. Некоторые произведения искусства (картины, мелодии, спектакли, танцы) и особенно артефакты стали предметами поклонения, культа.